

О будущем антитеррористической коалиции

Опубликовано 15.10.01

Елена Коломийченко:

Прошел месяц с того дня, когда самолеты с летчиками-камикадзе врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Тысячи жертв, огромный экономический ущерб: Широкая международная коалиция объявила войну терроризму на всех направлениях, началась и продолжается военная операция против талибов и Усамы Бин Ладена в Афганистане. За этот короткий месяц произошли и изменения в международной политике. Россия, российский президент Путин заявили о поддержке действий по борьбе с террором. Военные эксперты говорят, что Россия участвует в операции против талибов техникой, которую поставляет Северному Альянсу. Многие американские обозреватели пишут о новом этапе отношений с Россией и общих российско-американских интересах в международной политике.

В Афганистане продолжается военная операция, которую силы международной антитеррористической коалиции ведут против Осамы Бин Ладена и Талибана. Все больше доказательств причастности Бин Ладена и связанных с ним террористических организации к целому ряду актов террора, включая и события 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне. В пражской студии Радио Свобода со мной находится наш комментатор Ефим Фиштейн, в Москве - Дмитрий Фурман, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, а в Вашингтоне - наш коллега из исследовательского отдела Виктор Ясман. Первый вопрос в Вашингтон - как ни говорить, а беспрецедентные акты терроризма в США, случаи подтвержденных задержаний сибирской язвой после вскрытия писем с каким-то порошком вызвали, кроме прочего, и панику среди обычных граждан - ну вот, в немецком Висбадене по почте люди получили конверты с надписью "Джихад" и каким-то тоже порошочком - начались лабораторные проверки. В Висбадене, как и в похожем случае в Генуе, это оказалось злой шуткой - хотя у меня даже язык не поворачивается так это назвать. Да и как знать, где действительная опасность? В Пражском аэропорту двое людей с британского рейса, оказавшихся афганцами, разлили какую-то жидкость - оказавшуюся после лабораторных исследований водой. Ну и так далее. В библиотеках, говорят, нарасхват Коран, а на книжных ярмарках самым большим спросом пользуются издания на афганскую и исламскую тематику. Ну так вот, Виктор Ясман, Вашингтон, во-первых, каковы настроения месяц спустя у людей по ту сторону Атлантики и в смысле тревог - достигли ли авторы этого зловещего - зрелищно тоже - плана своих целей?

Виктор Ясман:

Сейчас, спустя месяц, люди начинают постепенно привыкать к новой ситуации, хотя полностью осознать ее еще не могут. И различная реакция, конечно, у общественности и у правительства. Правительство стало действовать гораздо более четко, тем более, что оно предпринимает конкретные действия против конкретно идентифицированных виновников этих актов. В этом смысле в Вашингтоне очень положительно воспринимаем ту роль которую сыграла Россия.

Елена Коломийченко:

Однако же, Стивен Сестанович, человек прошлой администрации США, говорит, примерно так - что "любой роман с Россией может оказаться коротким и что эти общие интересы на поверку и в перспективе могут оказаться вовсе не общими. И у России и у США существуют свои собственные интересы, устремления и направления действий, не только в Афганистане"?

Виктор Ясман:

Я так не считаю, и, самое главное - так не считает большинство членов новой республиканской администрации. Дело в том, что, во-первых, мы не знаем степень и глубину конфликта, войны, которую цивилизованное человечество объявило терроризму. Поэтому говорить о кратковременности интересов, пожалуй, не приходится. Не нужно забывать, что Россия находится пожалуй даже в более уязвимом положении, чем США и главный выигрыш от союза с США, присоединения к коалиции - собственная безопасность России, поскольку вот сейчас много разговоров о том, что Россия приобретет и какие уступки она должна требовать у Запада - так вот, я бы хотел подчеркнуть, что безопасность самой России - главный выигрыш от этого союза. Поэтому я бы не стал говорить сегодня о временности этого союза.

Елена Коломийченко:

Дмитрий Фурман, в статье в "Общей Газете" вы полагаете, что повестка дня нового века - не столько создание коалиции, сколько в дальнейшем создание целостной системы всемирной власти, а затем и мирового правительства. Но ведь вам можно возразить, что при угрозах странам как бы придется наоборот закрываться, более жестко охранять границы, усиливать меры и системы безопасности, следить за безопасностью в Интернете и электронной почте, жестко контролировать финансы, ужесточать паспортный режим и так далее и предпринимать целый ряд рестриктивных мер предпринимать. Не станем забывать, что антиглобалистское движение тоже только набирает обороты...

Дмитрий Фурман:

Моя логика очень простая. Постольку, поскольку любые возникающие из каких-либо местных, локальных, национально ограниченных причин терророгенные ситуации порождают опасности терроризма, которая распространяется по всему миру, что можно противопоставить всемирному распространению террористов - только всемирную борьбу с ними. Если есть единые интернациональные террористические центры - бороться с ними можно лишь посредством также не знающей

и не признающей национальных границ некоей антитеррористической службы, что мы собственно и видим. Но террор - только один из аспектов все более растущих опасностей современного мира, имеющих, в конечном счете, техногенное происхождение. Вот уже после трагедии в Вашингтоне и Нью-Йорке произошла совершенно случайно, безусловно, никто этого не хотел - трагедия на Черном море, когда украинская ракета сбивла российский самолет с израильскими гражданами. Естественно, что мотивация здесь совершенно другая. Это просто ошибка людей. Тем не менее, это те ошибки, которые нельзя допускать, как нельзя допускать Чернобыль, как нельзя допускать катастрофы типа "Курска", потому что все эти, произведенные в национальных границах преступления ли, ошибки ли, политические ли ошибки, просто технические ошибки - имеют следствия, выходящие за пределы национальных границ. Должны усиливаться интернациональные меры контроля, интернациональная борьба со всем этим. Мне кажется, что все-таки самый главный удар нанесен был не по Америке. Роль Америки действительно в ближайшее время, скорее всего, станет даже больше, потому что Америка - единственная страна, способная возглавить вот этот процесс борьбы, сейчас с терроризмом, а, в конце концов, не только с терроризмом.

Ефим Фиштейн:

Идея мирового правительства во мне лично вызывает неприятие, граничащее с отвращением. Я понимаю, как мне кажется, что процесс глобализации не является проектом, а является именно процессом, это весьма спонтанный процесс. И представление мира, регулируемого мировым правительством и эффективно устранившего саму перспективу техногенных катастроф - это отвратительная перспектива, надо сказать. Это мир тоталитарный, мир, который подошел к "концу истории", как предсказывал Фукуяма. Я в него, прежде всего, не верю. Скорее, если бы нечто подобное возникло - оно вызвало бы такое сопротивление со стороны других элементов этого мира, которое привело бы к дроблению, исчезновению такого правительства, поэтому я скорее верю в спонтанно складывающиеся коалиции, по крайней мере, на обозримом этапе времени, который перед нами. В этом смысле я совершенно не могу понять, принять и прочувствовать позицию тех российских ученых, политиков и политологов, которые не чувствуют шанса, не чувствуют исторического окна. Видимо, начисто отбита, отморожена интуиция, а шанс, на мой взгляд, огромный, грандиозный. Потому что впервые Россия может не просто подставиться, а Россия имеет что предложить. В данном случае это очень серьезное предложение. Это больше не литература, не кухонные разговоры интеллигентов. Это, во-первых, знание региона, колоссальное влияние в регионе и доступ к нему, знание самого Афганистана, да и глубже туда, во-вторых, это колоссальные сырьевые ресурсы. В конечном счете, коммунизма больше нет и идеологически Россию сейчас немного отделяет от Америки и европейского Запада. Идеологических различий больше нет. Это серьезное предложение на длительный период истории, потому что я не верю в краткосрочность этой войны. Если она на несколько недель, то о чем мы вообще говорим уже месяц? А если она на годы вперед - значит, серьезное предложение России, значит, нужно американцам действительно технологически инвестировать в это пространство и считать Россию партнером, что сегодня администрация, собственно говоря, и делает. И сегодня, скажем, кстати, вспоминая, перелистывая по этому случаю знаменитую книжку Сэмюэла Хантингтона "Конфликт цивилизаций", я наталкиваюсь там на ту же мысль, высказанную в момент выхода этой книги в свет - уже 5-6 лет назад - о том, что естественная коалиция Америки будет с Россией. Он там говорит о "сино-исламской", то есть, китайско-исламской коалиции, которая ей противостоит. Я не собираюсь вдаваться в данном случае в подробности, но это коалиция естественная и повторяю, России впервые есть что предложить.

Елена Коломийченко:

Ефим, вы не хотите вдаваться в подробности, но нам все-таки придется в них вдаваться. Сегодня в Афганистане в боевой операции участвуют разные силы международной коалиции. Но разве можно гарантировать, что в перспективе интересы всех участников этой коалиции совпадут? Из числа стран арабского мира с подавляющим мусульманским населением - правительства поддерживают действия антитеррористической коалиции, а уличные демонстранты требуют иного. Уличные демонстранты, естественно, нарушают внутреннюю стабильность, и никто не может дать гарантии, чем это закончится дальше. Это одна сторона вопроса. Другая сторона - Россия начала действовать в Афганистане, помогать Северному Альянсу а в это время в Москву и Петербург приезжал иранский высокий чин и вел переговоры о закупках вооружения. Не будет ли здесь возможного столкновения интересов тех, кто сегодня участвует в коалиции? Виктор Ясман?

Виктор Ясман:

Дело в том, что действительно коалиции, которая складывается - они не статические, они динамические, поскольку сама проблема, с которой столкнулся мир - это вызов всей цивилизации. Основа интегрирующая для этой коалиции тоже будет меняться, как и ее состав. Об этом, кстати, говорят американские политики, в частности, министр обороны Доналд Рамсфелд все время это подчеркивает. Естественно, дифференцированность подхода будет основана, скажем, не на общности даже интересов, а на общности даже ценностей. Но эти ценности, очевидно, будут не столько цивилизационными, сколько ценностями гражданского общества. В этом контексте Россия действительно может сделать свой выбор. Теперь более конкретно о, так сказать, участниках коалиции - арабских странах, об интересах этих блоков. Да действительно, часто сейчас сравнивают Россию, особенно ситуацию, которая сложилась в результате двух войн в Чечне с событиями, которые были 11 сентября. А ведь все дело в том, что Запад уже выбрал свою позицию - именно вот этого дифференцированного подхода. Тогда, когда Россия следует общепринятым ценностям - западным стандартам - цивилизационным, Запад с ней, а Россия с ним. А когда нет - Запад будет совершенно открыто об этом говорить. Это же касается, естественно, связей с такими странами как Иран, в частности, вы упомянули визит адмирала Али Шамхани. Это действительно большая проблема и Запад будет настаивать на прекращении этих связей. А вот участие России в коалиции особенно, по части разведанных, гуманитарных операций - это очень важно и очень приветствуется.

Елена Коломийченко:

Дмитрий Фурман?

Дмитрий Фурман:

Совершенно согласен с тем, что коалиции наверняка будут динамические, что противоречия в этой коалиции существуют - она может распадаться, могут возникать какие-то новые комбинации. Но мне кажется, что самым главным все-таки являются не конфликты национальных интересов, а само переосмысление понятия национальных интересов, которое возникает сейчас. Опасности - глобальные опасности, не знающие границ - заставляют пересмотреть саму идею этих национальных интересов.

Ефим Фиштейн:

Я думаю, что каждый мыслящий человек не может не согласиться с тем, что понятие национальных интересов резко меняется. И в этом смысле коренным интересом российского общества сейчас является именно включение, встройка в ту систему, которая сейчас противостоит террористам. Я, кстати говоря, о Китае думаю, что он тоже станет, в конечном счете, составной частью этой системы. Естественно, система этих коалиций динамична, а не стабильна раз и навсегда. Но это же мы видим даже в так называемом "твердом ядре" этой коалиции. Между Францией и США могут быть расхождения, и есть, существуют. И вот во что я абсолютно не верю - в то, что подобные коалиции опираются только на совместные ценности гражданского общества и прочего. Это уже говорится для бедных духов, это публицистика. На самом деле мы видим, что США включают в свою антитеррористическую коалицию - и прочие коалиции, скажем, антииракскую - режимы отнюдь не гражданские, режимы, нарушающие права человека, которые делают это повсеместно, и на их фоне даже современный российский режим выглядит отчаянно и безгранично гуманистическим. Так что и здесь со стороны России нужно, естественно, умно и талантливо лавировать в этом море, какие-то ценности принимая, какие-то принимая с некоторой осторожностью. Потому что мы видим, что нет общих единых ценностей для всего человечества. Сегодняшний мир стремится к такой многополярности, в не только политическом, но и в ценностном смысле, которая России вполне позволяет подогнать какие-то ценности под свои собственные представления. Тем не менее, не упуская из вида вот этой основной ориентир. Есть возможность нового сотрудничества, есть возможность нового партнерства, есть возможность даже выскочить из этой долговой ямы человечества на какой-то новый горизонт, где Россия будет равным партнером с Западом - даже в технологическом, в экономическом смысле. Потому что Западу сейчас придется, даже если бы он этого не хотел, инвестировать в российские пространства. У России есть возможность модернизировать свою экономику на фоне какого-то, может быть, экономического упадка на Западе. Все это - в толковом сочетании, комбинации этих факторов, не упуская из виду главное: Россия должна стать составной частью этого, западного мир, а никак не позволить обольстить себя даже идеей лидерства третьего мира.

Елена Коломийченко:

Не так давно в одной из российских газет я наткнулась на статью о будущем рынков вооружения. Ее автор пишет, что рынки, где Россия традиционно продавала оружие - имеется в виду пакистанский - только частично, индийский - в большей степени, афганский, иранский, сегодня в связи с событиями, свидетелями которых мы являемся - могут отступить, на них активнее выходят американские производители оружия. Виктор Ясман, в каком смысле экономика может диктовать дальнейшие коалиции, партнерские отношения России, Запада, Европы?

Виктор Ясман:

Мне кажется - в очень большом, потому что действительно в первой половине наступившего века - это будет век борьбы за энергию, борьбы за ресурсы, и в особенности - борьбы за ресурсы в Азии, которая имеет очень бедную энергетическую инфраструктуру. В этом контексте, конечно, в этом уравнении "Соединенные Штаты, Россия и Китай" - Китай играет важнейшую роль как рынок сбыта и, кстати говоря, это соперничество экономическое связано не только с национальными интересами. Вернее, национальные интересы - это борьба за рынок сбыта и, на самом деле - очень важная проблема. Что касается рынков вооружения, то это часть этой проблемы, и в этом контексте надо отметить соперничество России с Китаем, потому что в какой-то момент администрации Путина переиграла китайскую карту - они были очень заинтересованы в снабжении Китая все более и более современными системами вооружений, вернее, продать в Китай не современное вооружение уже практически невозможно. Но тем самым Россия ставит себя по отношению к Китаю в очень сильную и зависимость, и опасность, потому что, по крайней мере, по трем направлениям существует очень сильное давление Китая на Россию - демографическое, политическое и в каком-то смысле экономическое. Россия, очевидно, должна в каком-то смысле остановиться и повернуть свое лицо с Востока, так сказать, немножечко на Запад, поскольку продажа новейших систем вооружения Китаю может угрожать, в конечном счете, самой России.

Елена Коломийченко:

Дмитрий Фурман, Россия должна повернуться немножечко лицом на Запад от Востока - сказал Виктор Ясман. И Россия как будто поворачивается лицом на Запад, во всяком случае, российский президент, путешествуя по Европе, говорил об общем экономическом пространстве России и ЕС, говорил и о перспективе для России стать членом ЕС, а также НАТО - трансатлантического союза, но оперирующего на европейской территории. Насколько реальны эти перспективы и каково место Европы?

Дмитрий Фурман:

Мне кажется, что мы, безусловно, сейчас поворачиваемся на Запад, но это совершенно не исключает, что через некоторое время мы будем отчасти поворачиваться снова на Восток. Такие колебания во внешней политике совершенно нормальны и естественны. Я бы хотел сказать только еще одну, важную, мне кажется вещь: есть все-таки общая ценность и есть общий интерес, который доминирует и подчиняет все частные расхождения и интересы, и ценностей. И этот общий интерес и общая ценность одновременно - это ценность просто нашего общего выживания в современном мире.

Елена Коломийченко:

Кое-кто пытается объяснить, и даже как-то оправдать действия террористов отчаянной бедностью в странах третьего мира и неспособностью найти решение проблемы "богатые-бедные". Впрочем, в свое время и народовольцы в России (кстати, выходцы из небедных семей) тоже говорили, что их революционный порыв основан на желании помочь бедным. Спору нет - проблема "богатые-бедные" заслуживает внимания и об этом нужно говорить - однако, путь террора вряд ли ведет к решению. "Венский дневник" Елены Харитоновой:

Елена Харитоновна:

Время идет. Взбудораженные взрывами в Америке австрийцы возвращаются к своим прежним темам, и одна из этих тем - заработки больших начальников. Это, как и везде, волнует всех. Какая точно зарплата у депутатов, министра и канцлера с президентом, сколько получают профсоюзные лидеры. Под давлением общественности летом многим пришлось обнародовать свои доходы. Газеты и журналы чуть ли не весь август публиковали фотографии высших должностных лиц, а рядом зарплата и доплата, за совместительство и руководство разными комитетами и комиссиями, сверхурочные, отпускные и так далее.

Началось это с того, что недоброжелатели раскопали любопытные подробности из жизни руководителей профсоюза почтовых работников. Почта в Австрии нерентабельна, сейчас закрываются маленькие отделения в деревнях, 6 тысяч почтальонов могут остаться без работы а 20 главных начальников этого профсоюза решили повысить себе зарплату. Руководитель профсоюза Дерфлер стал получать на четверть больше прежнего и закрепил за собой новую служебную машину с шофером. Журналисты стали называть его "классовым борцом в классной машине". И ему пришлось подать в отставку. Но тема зарплат и привилегий осталась. Например, почему те же профсоюзные деятели получают путевки в санаторий чаще, чем рабочие? Журналисты вычислили, что пенсия у нынешнего руководителя всех австрийских профсоюзов Ферцетнича будет в 14 раз больше, чем у рядового рабочего. А популисты из ультраправой партии по этому поводу напомнили, что в справедливом обществе оклады политиков должны зависеть от среднего заработка рабочих. Для собственного заработка они давно сами установили границу служебных доходов. Разницу между своими зарплатами и этим "партмаксимумом" ультраправые депутаты и министры - они сейчас входят в правительственную коалицию - должны отдавать в социальный фонд партии. Но по сведениям журналистов многие этого не делают, и практически все не включают в партмаксимум, то есть, получают полностью, свои премии, сверхурочные, компенсации за совместительство и так далее.

Однако, сколько действительно стоит труд политиков и государственных руководителей? Свою ненормированную работу они здесь часто сравнивают с трудом менеджеров крупных концернов, которые, кстати, получают значительно больше депутатов и министров. Разница, правда, в том, что менеджерам платят владельцы их предприятий, а депутаты получают из карманов налогоплательщиков. Европарламент разработал систему, по которой депутатам доплачивают за участие в разных парламентских комитетах. Но как - спрашивает австрийский политик из партии "зеленых" Олингер - проконтролировать каждого члена комитета. Работает он там или спит с открытыми глазами? По мнению известного публициста Ганса Раушера, выход тут не в том, чтобы предавать гласности, контролировать и неделями обсуждать, кто чересчур много получает - надо свести до минимума количество государственных и полугосударственных учреждений. Высокие оклады их работников людей особенно раздражают, а независимые по идее профсоюзы в массовом сознании давно превратились в государственную организацию... Знакомый учитель Гюнтер, пересказывая мне эту статью Раушера, особенно напирал на социалистов, до последних выборов они, мол, 30 лет были тут у власти и при них государственный аппарат значительно вырос. Социалистические блага надо ведь распределять, а где распределение - там и желание считать чужие деньги, надо ведь всех уравнивать. Поэтому лучшее средство от зависти, по мнению Гюнтера - как можно больше забрать у государства и передать в частные руки. "В фирмах сотрудникам не приходит в голову дискутировать о зарплатах начальников и коллег. Они просто стараются сами побольше заработать, и платить лишнего владельцы там никому не будут".

Но вот дочка Гюнтера Биргит - она студентка - с отцом не согласна, по ее мнению, чтобы люди не завидовали друг другу, высокий жизненный уровень должен быть у всех, а для борьбы с бедностью одного рынка мало, нужна совесть - то есть, чиновник, распределитель - смеется над дочерью Гюнтер. Биргит антиглобалистка. Летом, специально, чтобы принять участие в демонстрациях протеста и доказать, что в богатых странах не понимают проблем бедных, она ездила на встречу "Большой Восьмерки" в Геную. Отец отговаривал, но куда там... От стычек с полицией в Генуе Биргит заработала пару больших синяков и теперь очень гордится этим. "Ничего не поделаешь, надо потерпеть. Немецкий министр иностранных дел Йошка Фишер в юности тоже воевал с буржуазией", - с надеждой говорит мне о дочери Гюнтер.

Елена Коломийченко:

Программу завершает специальный выпуск Европейского исторического календаря на октябрь месяц. Его подготовил Кирилл Кобрин:

Кирилл Кобрин:

Если верить классической теологии, то в мире существует некое равновесие Добра и Зла; резкое колебание этих аптечных весов, впрочем, уже свыше пятнадцати тысяч лет грозит обрушиться на человечество безнадежно перемешанные ингредиенты мироздания. Или это уже произошло и мы плаваем в коктейле, в котором, по рецепту Джеймса Бонда - взболтать, но не смешивать - райский нектар увенчан крошкой адского льда? Прилагается ли соломинка? Маслинка?

Так или иначе, безнадежные попытки человечества достичь "вечного мира" продиктованы вовсе не желанием увидеть Добро абсолютным триумфатором. Отнюдь. "Вечный мир", - попытка сохранить хрупкую устойчивость этих самых аптечных весов, что дает возможность, хотя бы различать - что на одной чашечке и что на другой. В военных условиях, как известно, Добро и Зло - на одно лицо.

Чтобы победить Зло, нужна война, чтобы дать человеку свободно выбирать между Добром и Злом, нужен мир.

"Вечный мир" - идея, которая почти столь же стара, как и само человечество. О способах изгнания войны из общественного обихода рассуждали Платон, Аристотель, Сенека. Проекты всеобщего мира строились и на христианском фундаменте и на философском. В конце концов, идея перерождения, свойственная индуизму и более позднему буддизму, вообще отрицает саму мотивацию войны - что толку уничтожать друг друга, когда смерти все равно нет, а есть лишь бесконечная и утомительная череда переселений души из одного тела в другое. Этот конвейерный туризм превращает смерть в избавление, но война и мир тут не при чем.

Кстати о "Войне и мире". Этот великий роман начинается со светского раута, на который является юный Пьер Безухов. Хозяйка представляет ему одного из гостей: "Вы знаете аббата Морио? Он очень интересный человек...". Первая реплика Пьера, задающая тон всему чудовищно толстому сочинению графа Толстого, такова: "Да, я слышал про его план вечного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно..."

И Петр Кириллович Безухов прав. Едва ли. Ровно сто лет назад, в октябре 1901-го года была присуждена первая Нобелевская премия мира. Награду поделили швейцарец Жан Анри Дюнан, основатель Международного Красного Креста, и француз Фредерик Пасси, создавший так называемое Французское общество мира. Добро деятельное и идейное, редко когда они разводятся с такой точностью. Существует ли сейчас Французское общество мира - не знаю, вряд ли; даже если и существует, то вклад его в установление всеобщего мира очевиден: мира нет. "Красный Крест" красуется на бесчисленных грузовиках, джипах, самолетах, палатках - по всему земному шару; прежде всего, там, где идет война.

За сто лет существования Нобелевской премии мира на земном шаре разыгралось свыше двухсот пятидесяти войн, жертвами которых стали около 110 миллионов человек, из них больше половины - гражданское население. "Если критерием успеха Нобелевской премии мира считать ее содействие установлению всеобщего мира, то она, конечно, провалилась", - говорит директор нобелевского института Гейр Лундестат. Однако, он предупреждает: "Судить, исходя из одного лишь этого критерия - значит предполагать, что у пяти членов нобелевского комитета больше власти, чем у президента США". От себя добавлю - и столько же, сколько у Господа Бога. Даже больше - ведь Господь не смог предотвратить ни одной войны.

Потому Нобелевская премия мира - скорее моральный довод, нежели прагматическая и всемогущая санкция. Моральный довод, в конце концов, зависит от качеств того, кто его выносит; потому эта премия имеет отношение к сфере человеческой, слишком человеческой. Каковы люди, каков мир, таковы и лауреаты. Ни Махатма Ганди, ни создатель Европейского Союза Жан Монне не получили Нобелевской премии мира, зато она украсила имена господ и товарищей с довольно сомнительной репутацией. Это - не повод для зубоскальства, это - повод задуматься о резонансе наших обыденных представлений об окружающем мире.

Кампания кандидатов на Нобелевскую премию мира в этом году, как обычно, довольно пестрая - Фидель Кастро, футбол и Международная федерация этой игры (ФИФА), римский папа Иоанн Павел Второй, бывший президент США Джимми Картер, генсек ООН Кофи Аннан и даже некто Стэнли Уильямс, осужденный в США за убийство четырех человек и ожидающий смертной казни. И "Международный Красный Крест" - удивительно уместное напоминание о сути и содержании как самой премии, так и любых попыток установить "вечный мир". Для поддержания равновесия Добра и Зла нужны скорее врачи и спасатели, нежели проповедники.

Елена Коломийченко:

Мне остается добавить, что в этом году Лауреатом Нобелевской премии мира стала Организация Объединенных Наций и ее генеральный секретарь Кофи Аннан.